

© **Рубский Вячеслав Николаевич**

9. Тишков В. А. Этнология и политика / Валерий Александрович Тишков. – М. : Наука, 2001. – 240 с.
10. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Хейден Уайт; [Пер. с англ. Е. Г. Трубина, В. В. Харитонов]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 528 с.
11. Фромм Э. Душа человека / Эрих Фромм. – М. : Республика, 1992. – 430 с.
12. Хвостова К. В. Современная эпистемологическая парадигма в исторической науке / К. В. Хвостова // Одиссей Человек в истории. – М. : Наука, 2000. – С. 10-13.

Рубский Вячеслав Николаевич – кандидат богословских наук, старший преподаватель кафедры практической психологии Одесского национального морского университета

УДК: 141.13

МЕТОДОЛОГІЧНІ ПАРАМЕТРИ СВІТОГЛЯДОЇ ДИСКУСІЇ

У статті розглянуті кілька актуальних жанрів світоглядної дискусії, їх найважливіші стратегічні елементи. Автор пропонує метод «загальної проблеми» і модель дискусії «Обговорення» як найменш психологічно травматичні та найбільш конструктивні. Також в роботі розглянуті методи подолання культурного і мовного бар'єру в релігійній дискусії.

Ключові слова: дискусія, полеміка, світогляд, аргументація, аксіологія, Бог, релігія, методологія.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ

В статье рассмотрены несколько актуальных жанров мировоззренческой дискуссии, их важнейшие стратегические элементы. Автор предлагает метод «общей проблемы» и модель дискуссии «Обсуждение» как наименее психологически травматичные и наиболее конструктивные. Также в работе рассмотрены методы преодоления культурного и языкового барьера в религиозной дискуссии.

Ключевые слова: дискуссия, полемика, мировоззрение, аргументация, аксиология, Бог, религия, методология.

METHODOLOGICAL PARAMETERS OF IDEOLOGICAL DEBATE

The article deals with several topical genres of ideological discussion, their most important strategic elements. The author proposes the method of «Common problem» and the model of discussion «Consideration» as the least psychologically traumatic and the most constructive. The paper also considers the methods of overcoming the cultural and linguistic barrier in religious discussion.

Key words: discussion, polemics, worldview, argumentation, axiology, God, religion, methodology.

В последние годы появляется всё больше публикаций о необходимости исследования мировоззренческих дискуссий в контексте современности (В. Н. Финогентов, 2013) [9], общерелигиозном контексте (Е. В. Кузьмина, 2017) [7], (Н. С. Жиртуева, 2017) [4], (М. Стобер, 2017) [8] и межконфессиональном контексте (Т. Веспетал 2017) [2]. А также более широко, как эпистемологии религиозной веры (К. В. Карпов 2017) [5], эпистемических условий обоснования религиозных убеждений (И. Г. Гаспаров, 2018) [3] или вообще, философско-методологических основаниях религиозного дискурса в современном мире (В. Ю. Балабушевич, 2016) [1].

Об актуальности темы говорит и значимая популярность продолжающейся и в этом году серии передач «Не верю!» на канале «Спас-ТВ», в которой примали участие и известные церковные лидеры (митр. Илларион Алфеев, прот. Максим Козлов, Андрей Ткачѳв, С. Л. Худиев, В. П. Лега и др.). С другой стороны выступают известные персоны и сторонники научного и гуманистического скептицизма (гуманист В. Познер, лидер общества скептиков В. Блинецов, философ Е. Сармат, биолог А. Панчин, А. Вассерман и др.). Некоторые из видеороликов их часовых бесед (например, прот. А. Абрамов vs А. Вассерман) набирают до 400000 просмотров в интернете. Это свидетельствует о необходимости конструктивной методологии мировоззренческой дискуссии. В противном случае неудовлетворѳнными останутся обе стороны, что и происходит чаще всего.

Жанр дискуссии чрезвычайно важен. Ошибка в выборе жанра не может быть компенсирована ни правотой, ни эрудицией. Жанр определяет структуру (конструкцию) диалога, которая в свою очередь, определяет весь его потенциал и содержание.

Так, известный жанр «дискуссия-полемика» отличается своей подчѳркнутой структурной конфронтационностью. Сущность полемики выражает перевод этого греческого слова: *polemicos* – воинственный, враждебный. Как бы ни были обаятельны собеседники, но основная цель полемики – победа над оппонентом, вербальное подавление его влияния посредством развѳрнутой аргументации. Это заложено в конструкции аргумент-контраргумент и потому неизбежно.

Жанр «дискуссия-спор» также сталкивает аргументы как и полемика. Но спор имеет менее обширный характер, он случается при согласии со всеми основными посылами мировоззрения. В споре стороны уже определены в том, что их разнит, и видят своей задачей привести достаточные доводы в поддержку своих убеждений, включая прямую критику убеждений оппонента.

Основной целью жанра «дискуссия-диалог» является достижение определѳнного согласия между участниками, которого они стремятся достичь, не отказываясь от основных постулатов своей позиции. Важным результатом таких дискуссий бывает выявление общих основ и причин разногласий. К сожалению, антагонизм мировоззренческих систем, как правило, вносит полемический характер в обсуждение разности мировоззрений, что возвращает нас к напряжѳнной полемике и еѳ следствиям.

От жанра зависит и эмоциональное наполнение общения. То, что зачастую воспринимается как частные аффе́кты (нагнетание враждебности, подозрительность, язвительная коннотация и т.п.) как правило, обусловлено внутренним алгоритмом выбранного жанра: если это «дискуссия-диалог», то при сохранении общей благожелательности коэффициент полезности этого общения будет низок. Если это полемика, то эскалация психологического дискомфорта будет увеличиваться пропорционально количеству неудовлетворительных ответов, которые, будучи поданы в иной традиции мысли, воспринимаются как уход от ответа или глупость. Если это дискуссия по мировоззренческим аксиомам, то участники, будучи не в состоянии удержать в жанре дискуссии заведомо недискутивный предмет – аксиомы – будут раздражены смещением обсуждения в иные (более предметные) плоскости. Это будет психологически восприниматься также как уход от обсуждения неудобных тем.

Описание метода «общей проблемы». Инструментом конструктивной дискуссии является создание эффективных форм приглашения оппонента в иное измерение предмета. Это невозможно сделать путѳм вербальной конфронтации, так как еѳ основой всегда является принуждение к согласию с одним из измерений. Для достижения условий возможности соотнесения основ мировоззрения, и их теоретических надстроек необходимо изъять аргументацию как основной компонент переубеждения. Основанием мировоззренческой компаративистики не может быть одно из положений той или иной стороны, так как в этом случае, оно неминуемо будет и выводом. Такая монодискурсивность неизбежно приведѳт к всё той же полемической противопоставленности. В основании дискуссии должно быть обоюдное согласие с двумя посылами: 1) кризисом жанра дискуссии, и 2) проблемностью

обсуждаемого предмета в обеих системах мировоззрения. То есть разной степенью трудности преодоления обсуждаемой проблемы инструментами своего мировоззрения.

Метод, который сочетает в себе необходимость добровольного принятия этих условий, назовём *методом общей проблемы*. Суть его в том, что оппоненту по каждой из дискуссионных тем предлагается одна или несколько общих проблем, связанных с этой темой. Обозначим этот жанр как «дискуссия-обсуждение».

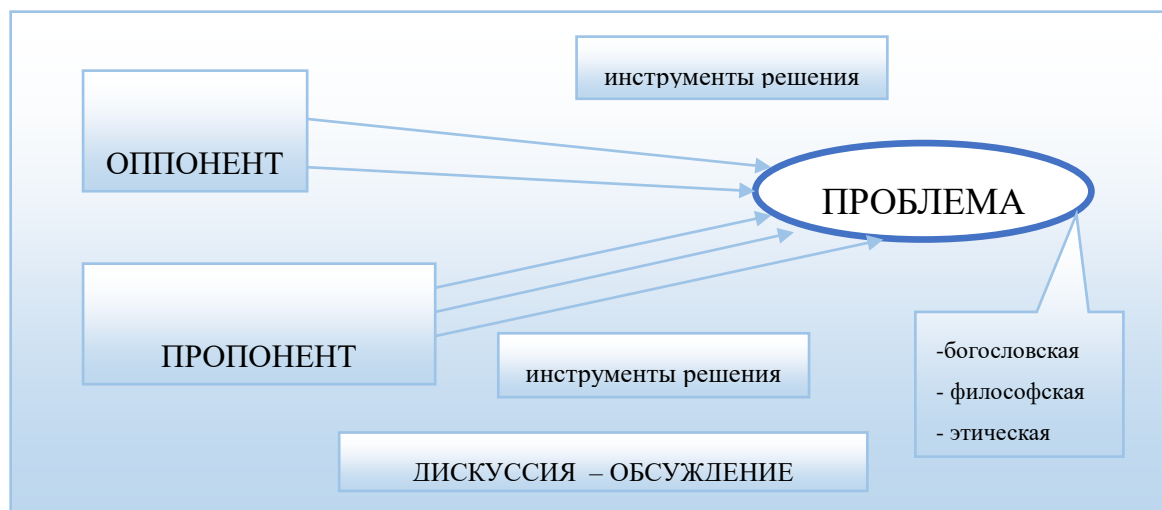

Рисунок – Модель дискуссии «Обсуждение»

Эта проблема может быть философской, богословской, аскетической или даже этической, но инструменты её решения, как правило претерпевают некоторый кризис по той причине, что они производятся тем же мировоззрением, что и породило обсуждаемую в дискуссии проблему. Таким образом, оппонент и проponent, соглашаясь с проблематичностью данного аспекта того или иного мировоззренческого убеждения, вынуждаются совместно искать подходы к её разрешению. Если проблема не осознаётся как таковая одной из сторон, то предложенные методы её разрешения будут односторонними, то есть неэффективными и неприемлемыми для другой стороны.

Иногда, в ходе решения общей проблемы, одна из сторон имплицитно или осознанно прибегает к философским или богословским инструментам другой стороны для решения поставленной задачи. В этом случае на время решения этой задачи противоположные стороны становятся методологически едиными. Для первого положительного результата достаточно только фиксировать этот факт. Этот метод даёт собеседникам не просто ознакомиться с философско-философским арсеналом сторон, но и почувствовать реальную практическую *необходимость* в плюральности дискурсов.

Конструкция дискуссии максимально исключает традиционный антагонизм и полемическую заострённость всех предлагаемых для обсуждения аспектов. В случае если одна религиозная или философская традиция обладает значительным превосходством, дискуссия, построенная по методу *общей проблемы*, имеет возможность его продемонстрировать, не объявляя это явной целью беседы.

Таким образом, предложенный жанровый выбор «дискуссия – обсуждение», соответствует поставленной цели достижения условий возможности соотнесения теоретических слоёв и самих основ мировоззрения. В нём, как представлено схематически на рис. 3, оппоненты располагаются не друг против друга, а вместе перед проблемой, которую будут решать сообща, делясь имеющимися средствами. Инструментом этого жанра был бы удобен майевтический принцип построения диалога.

Введение формата дискуссии. В качестве введения нового формата «общая проблема» лучше всего выбрать нейтральную тему, не имеющую за собой истории полемики и наработанной аргументации. Это придаст общению чувство безопасности и открытости к обсуждению других тем.

Для постпротестантизма актуальной может быть тема утери семейной иерархии как общем месте в современном христианстве (включая «свидетелей Иеговы»). Основная посылка всего обсуждения: не всегда, признавая Священное писание как слово Божие, мы готовы принять тот мировоззренческий базис, на который оно опирается.

В качестве примера удобно привести заповедь апостола Павла: *«Жёны, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела. Но как Церковь повинуется Христу, так и жёны своим мужьям во всём»* (Еф. 5,22-24). В другом месте он пишет: *«муж... есть образ и слава Божия; а жена есть слава мужа. Ибо не муж от жены, но жена от мужа»* (1Кор. 11,7-8). И здесь апостол проводит ту же мысль: то, Кем Бог является для мужа, тем муж является для жены. И даже научаются христианству жёны не от Церкви, а *«дома у мужей своих»* (1Кор. 14,35).

Итак, ап. Павел исходит из абсолютного (как Церковь – Христу) и «во всём» подчинения жены мужу. Но проблема в том, что современная культура, а вместе с ней и современное христианство, мыслит брак уже в иной парадигме. Даже в официальных церковных документах, таких как проект православного катехизиса 2017 этот максимализм высказывания апостола о главенстве мужа нивелируется толкованием, что речь идёт *«о первенстве в ответственности, заботе и любви»* [6]. Таким образом, современное христианство, продолжая воспроизводить архаизм о подчинении жены мужу, уже исходит из паритетности их отношений. Например, если муж вводит ересь, то жена должна выйти из духовного послушания ему. И таким образом, она ещё до того оказывается в ситуации, когда сама решает, когда и в чём ей подчиняться мужу, а когда – нет. А это очень далеко от *«повиноваться как Господу во всём»!*

Если это межконфессиональная дискуссия, то можно поставить вопрос: как нам решать эту общую проблему? Ведь апостол проводит параллель между природой церковного единства и единства и иерархии в браке, как его понимала античность. В этом случае обе стороны, как правило, с апостольским пониманием пола феминистски не согласны.

Эта проблема снимается культурологическим анализом античных и современных символов единства и иерархии: в античности единство следовало из иерархии, в современной культуре они противопоставлены. Но как примат иерархии, так и её противопоставление в современности служат идее высвобождения личности для максимальной любви к супругу.

В любом исходе обсуждения этой темы, стартовая общность пропонента и оппонента даст ощущение того, что обсуждение мировоззренческих положений может обходиться и без позиционной противопоставленности.

Для других типов мировоззрения можно предложить обсуждение общекультурного императива любви к ближнему. Обсуждаемая проблема может состоять в том, что любовь имеет свойство возвышать объект любви. Возвышение ближнего над собой есть введение искажённой оптики в общении с ним соответственно степени приоритета. Как любить ближнего «как он есть», если сама природа любовного чувства меняет оценку качества соотношения субъекта и объекта любви? Апория может быть снята раскрытием идеи равенства в религиозном дискурсе: равенство с ближним мыслимо в Боге, т.к. только в Нём он и получает статус «ближнего», которого нужно любить. В этом контексте энергия любви мыслится не как эволюционный аффект, а как отдалённый отблеск божественной любви.

Для универсальности методологии диспута, необходим и упрощённый вариант предлагаемого метода. В нём тема дискуссии упрощается до одного её аспекта. Такой подход востребован для проведения дискуссии с оппонентом, уровень образования которого невысок. Попытка проводить с ним многоуровневую беседу будет малоэффективной.

Языковой барьер в религиозной дискуссии. Проект православного катехизиса 2017 подчёркивает, что *«одной из важнейших в диалоге православного богословия с инославием должна стать проблема богословского языка, понимания и интерпретации»* (Ч. 6, § 4,5) [6]. Языковой барьер является основной и общей проблемой дискуссий ортодоксальных направлений с широким кругом новых религиозных движений неоиндуистского и постхристианского типа. Выявляется он наиболее очевидным образом, когда, например,

современный вайшнав не может указать на специфическую сущность вайшнавизма, а православный – на сущность православия, так как это требует адекватной конвертации духовности в формализованный язык для внешнего слушателя. Любой вид такой конвертации предполагает упрощение, искажение, но чаще всего – полную подмену духовности общими гуманистическими ценностями. Собеседники сходятся в критике всевозможных недоразумений о позициях друг друга, но положительное содержание специфики их верований остаётся невыраженным. Таким обстоятельством представители различных религиозных направлений вынуждены обсуждать вторичные и третичные аспекты их идентичности, оставляя главный вопрос вне обсуждения. Это оставляет стороны дискуссий неудовлетворёнными.

Так, например, для того, чтобы довести собеседнику ценность поклонения Кришне, представители МОСК вынуждены перечислять свои добрые дела, гуманитарные акции, говорить о своём миролюбии, приветливости, милосердии к животным и т.п. Проблема в том, что, то же самое можно услышать от любой религиозной организации в ответ на просьбу указать специфическую сущность их религиозного выбора. Такое смещение предполагает, что ценность религиозной духовности может быть подтверждена или представлена в виде гражданской и культурной полезности. Это представляет религию служанкой гуманизма, в то время как в чистом виде этот тезис неприемлем как для ортодоксальных, так и для большинства новых религиозных движений.

Проблема выражения ценности духовного опыта намечена уже с начала христианства. 'Что пользы, братия мои, от веры самой по себе? вера без дел мертва', – утверждает ап. Иаков (ср. Иак. 2,14-26). При всей правильности этих слов в первом прочтении, бросается в глаза утилитаристское восприятие духовной жизни. То, что вера не может не проявляться в делах, не значит, что эти проявления могут её адекватно представлять или без «доказательных» проявлений её нет. Настойчивое требование эквивалентов духовности – «добрых дел» и «плодов покаяния», представленная как необходимость презентации веры (т.е. связи с Богом) есть требование внешнего наблюдателя подать специфический духовный опыт в удобном для его одобрения формате. Запрос на переложение веры в эмпирическое поле свидетельствует о методологической редукции духовной жизни собеседника как таковой, т.к. в поле диалога она попадает только в эмпирическом формате (филантропия, аскетизм и т.п.).

Таким образом, экспликация сущности религиозной самоидентификации во что-нибудь материально видимое и приятное для подтверждения ценности религиозного выбора стоит на примате материализма. Так как анализ духовного переживания подменяется оценкой его эмпирического «эквивалента». Само убеждение в возможности доказать веру (т.е. духовное) через дела (т.е. материальное) подчиняет первое второму.

В результате, объектом обсуждения мировоззренческих дискуссий всегда становится нечто принципиально периферийное, не имеющее прямого отношения к специфике экзистенциального выбора той или иной аксиомы мировоззрения.

Качественная постановка вопроса о сущности выбранного мировоззрения есть основа метода, раскрывающего эту проблему. Конструктивнее всего было бы согласиться с тем, что в ситуации, где мы не можем обсуждать существо религиозного мировоззрения, так как в центре его Сам Бог (модели той или иной теологии), нам нужно соотносить только теоретические основы различных положений мировоззрения.

Например, вегетарианство вайшnavов, мотивированное милосердием к животным по форме почти не отличается от монашеского поста, но по своей метафизической посылке (возможность ритуального осквернения) эти формы воздержания расходятся. Это даёт собеседникам возможность обсуждать разность первичных метафизических аксиом, вместо того, чтобы соглашаться или дебатировать о формах.

Среди отличительных аксиоматических посылок религиозного мировоззрения одной из главных является отношение к религии. Оно различно в панентеизме, теизме, агностицизме и т.п. Например, у Рамакришны и Вивекананды тезис «Джива есть Шива» (каждая личность является божественной) создаёт кардинально иное понимание религии. Индуизм определяет

свою религиозность термином «Санатана-Дхарма», т.е. вечный путь/закон/порядок. И боги (или Бог в монотеистических традициях) встраиваются в этот порядок сущего. Если в основании сущего полагается Дао или подобный принцип, то это будет отличать и значение феномена религии от таких основ как «самоценная любовь к Кришне» или взаимность богочеловеческой любви в христианстве.

По мировоззренческим аксиомам в области метафизики нехристианские НРД могут оказаться гораздо ближе к православию, чем отдельные христианские секты. Например, вишнуистская концепция Ачинтья-бхеда-абхеда, как некая середина между Двайтой и Адвайтой, очень близка к православной метафизике, в частности паламитскому учению о нераздельном различии. Но это совпадение чисто логическое. И наоборот, в сфере культурных форм и традиций, неопротестантизм и даже псевдохристианство имеет с православием большее сходство.

Такое выявление аксиом в контексте общего согласия с их первичностью приведёт нас к минимальному числу аксиом и аскетических приёмов каждой из дискутирующих сторон. Это внесёт необходимую ясность в существо согласий и разногласий между диспутантами, значительно уменьшит конфронтацию.

Данный метод лишён антагонизма, так как изначально ставит перед участниками вопрос не о том, «кто прав?», а раскрывает аксиоматический базис сравниваемых мировоззрений, их корпус теорий и практик. Именно этого компонента не хватает во всех прочих методах диспута, структурно подчинённых полемике.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Балабушевич В.Ю. К вопросу о теизме и атеизме (о философско-методологических основаниях исследования места и роли религии в современном мире). / Философские проблемы военного дела. – 2016. – № 2 (7). – С. 64-67.
2. Веспетал Т. Слово о Боге: Евангельское богословие для восточных христиан. – М.: МТИ, Новгород: Агапе, 2014-2017.
3. Гаспаров И.Г. "Sensus divinitatis" и "мистическое восприятие": две модели эпистемического оправдания религиозных убеждений. / Философия религии: аналитические исследования. – 2018. – Т. 2. – № 1. – С. 50-66.
4. Жиртуева Н.С. Хасидизм в контексте компаративного анализа мистических традиций мира. / Вестник славянских культур. – 2017. – Т. 44. – С. 21-30.
5. Карпов К.В. Эпистемология религиозной веры как дисциплинообразующая часть философии религии. / Эпистемология и философия науки. – 2017. – Т. 53. – № 3. – С. 8-18.
6. Катехизис РПЦ. Проект. – М.: Синодальная библейско-богословская комиссия, 2017, § X. – Режим доступа: <http://theolcom.ru/images/2017/%82.pdf>
7. Кузьмина Е.В. Сравнительный метод в изучении религии. Общие особенности теоретических поисков. / Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2017. – № 1 (13). – С. 63-66.
8. Стобер М. Компаративные исследования мистицизма. / Пер. с англ. Т. Малевич. – Философия религии: аналитические исследования. – 2017. – Т. 1. – № 1. – С. 46-87.
9. Финогентов В.Н., Кононова Е.С. О необходимости мировоззренческих дискуссий: современный контекст / Ученые записки Орловского государственного университета. – 2013 – № 1 (51) – С. 166-174.